

Девятисентябрьское солнце, наделенное своей особой теплотой, заливало землю, прочерчивая на улицах рваные, изломанные следы в пятнах древесных теней.

Из гостиной семьи Бай доносились отголоски громкого спора. Слуги, дежурившие у входа, присмирели и забились в углы, стараясь стать как можно незаметнее, чтобы бушующая внутри буря не затронула их — маленьких людей.

— Мама, это моя дочь! Я ни за что не позволю ей и дальше скитаться вдали от дома!

— Какая еще твоя дочь? Десять с лишним лет о ней ни слуху ни духу, кто знает, что это за человек! Ты вот так заявляешь во всеуслышание, словно хочешь, чтобы весь мир об этом узнал. А как же репутация семьи Бай? Ты хочешь, чтобы все вокруг узнали об этом позоре? Хочешь, чтобы каждый знал, что старшая наследница семьи Бай — деревенская девка, выросшая в глуши?

— Мама, вы сами сказали — она старшая наследница семьи Бай. Теперь она возвращается в свой дом, что же тут постыдного? И что с того, что она выросла в деревне? Это ведь не она сама захотела туда уехать. Это наша халатность стала причиной ее страданий, мы должны возместить ей всё сполна! У меня сердце разрывается от жалости к ней, как это может быть постыдным?

— А как же Вэйвэй? Тебе ее не жалко? Мы растили ее больше десяти лет, а теперь ты хочешь просто взять и выкинуть ее? Ты подумал о ее чувствах? Ты подумал, что скажут люди на улице?

— Мама, перестань!

Поняв, что эти слова ранят Бай Вэйвэй, величественный, резкий и властный голос на мгновение умолк, а затем продолжил уже более доверительным тоном:

— Цзяньпин, сейчас для семьи Бай наступил переломный момент, нельзя допустить никаких промахов. Я не против того, чтобы ты забрал ребенка, но не нужно делать это так громко, чтобы все вокруг судачили. Дай обеим девочкам время, дай время семье Бай. Ю Шу тоже не стоит сейчас дергать, чтобы он бросал дела и возвращался. Столько сил было потрачено за границы, разве не напрасно все будет, если он вот так всё бросит? И еще Вэйвэй — такой замечательный ребенок, неужели семья Бай не может ее прокормить, зачем обязательно отсылать ее прочь?

Бай Цзяньпин тяжело вздохнул. Бай Вэйвэй действительно была хорошей девочкой, и никто не хотел причинить ей вреда. Но раз уж так вышло, возвращение каждого на свое место — единственное разумное решение. Все они — жертвы, но Бай Цзяньпин, конечно, куда сильнее переживал за ту девочку, что десять лет провела вдали от дома. Это не значит, что он не жалел Бай Вэйвэй, тем более, что решение временно уехать предложила сама Вэйвэй, чтобы всем было меньше неловкости и появилось время прийти в себя.

Однако, глядя на покорный и жалкий вид Бай Вэйвэй, вспоминая все мелочи минувших десяти лет, Бай Цзяньпин охрипшим голосом ответил:

— Мама, никто не собирается отсылать Вэйвэй. Мы все знаем, что она прекрасная девочка. Просто сейчас произошло слишком много событий, мы подумали, что ей пойдет на пользу развеяться, на нее сейчас давит слишком сильный груз.

— Развеяться? Развеяться?! — голос старушки внезапно стал визгливым. — Красиво сказано! Разве это не предлог, чтобы выставить Вэйвэй за дверь, освободить место и позволить этой деревенской девке занять ее положение?

— Мама!

Эти слова матери мгновенно вывели Бай Цзяньпина из себя. Та, кого она называла деревенской девкой, была его родной кровью, дочерью, которую он должен был беречь ценой своей жизни. Почему в устах его матери она превратилась в нечто настолько ничтожное?

— Мама! Это моя дочь! Родная! Даже если она выросла в деревне, она всё равно моя родная кровь! Что значит деревенская девка? Что значит занять место? Это ее законное место, ее дом, то, где она должна быть! В ее жилах течет моя кровь, она — гордость Бай Цзяньпина!

Гнев Бай Цзяньпина напугал госпожу Бай, сидевшую в глубине дивана. Она схватилась за сердце и, указывая на него пальцем, не могла вымолвить ни слова.

Бай Вэйвэй, сидевшая на коленях рядом со старушкой, подняла бледное личико. Под таким углом она казалась еще более хрупкой и невинной. Сдерживаемые слезы наконец потекли одна за другой по ее прекрасному лицу, беззвучно падая на ковер.

Бай Вэйвэй была в расцвете юности, и благодаря стараниям семьи Бай она всегда была гордостью Бай Цзяньпина. Она прекрасно понимала: даже если бабушка стоит за нее горой, даже если Бай Цзяньпин жалеет ее, это не изменит его решения.

Она смахнула слезы и, хотя в голосе еще слышались рыдания, с невероятной стойкостью взглянула на старушку:

— Бабушка, я знаю, что вы желаете мне добра, но сестра — тоже дочь семьи Бай. То, что она выросла в деревне, — не ее вина. Папа забирает ее домой, это вполне естественно. Если вы переживаете, что сестра не привыкнет к здешней жизни, вы ведь можете ей помочь, правда же?

Старушка издала презрительный смешок. Разве такой деревенщине можно чем-то помочь? Чему бы ее ни учили, разве сможет она сравниться с Бай Вэйвэй, которую семья Бай тщательно воспитывала больше десяти лет? Однако она понимала, что девочку уже привезли в

дом, и Бай Цзяньпин сейчас полон ожиданий относительно Бай Линлин, так что ее слова ничего не изменят. Но она должна была их произнести — не только чтобы Бай Цзяньпин услышал, но и чтобы та девчонка, что вторглась в их дом, всё поняла!

К несчастью, в нынешней семье Бай каждое слово Бай Цзяньпина было законом. Старушка могла демонстрировать свою значимость лишь благодаря сыновней почтительности Бай Цзяньпина, но в принципиальных вопросах он никогда не отступал перед ней.

Возвращение Бай Линлин стало свершившимся фактом, и она, Бай Вэйвэй, фальшивая наследница, занявшая чужое гнездо, рано или поздно будет отвергнута семьей.

Бай Вэйвэй опустила глаза, и ее кроткий, покорный вид вызвал у старушки еще больше жалости.

— Моя бедная внученька, моя милая крошка! Натерпелась же ты страданий! — запричитала она, прижимая Бай Вэйвэй к груди и рыдая так, словно мир вокруг рушился и наступил конец света.

Бай Линлин стояла у входа и молча наблюдала за происходящим, особенно за бабушкой и внучкой, которые обнимались и рыдали с таким отчаянием, будто разыгрывали сцену из пьесы. Было ли что-то подобное в ее прошлой жизни? Она не могла вспомнить. Слишком много времени прошло, да и не настолько это было важно, чтобы держать в памяти.

Помощник Лян с неловким видом тоже наблюдал за этим. Он хотел было войти первым и предупредить людей в гостиной, но Бай Линлин слегка потянула его за рукав. Посмотрев на ее пальцы, бледные и тонкие, казавшиеся такими хрупкими, что их можно было сломать одним движением, помощник Лян лишь тяжело вздохнул и промолчал.

Так они и застыли в дверях, становясь невольными свидетелями сцены, которая, казалось, тянулась бесконечно.

<http://bllate.org/book/21953/2280933>